

8. Солощук Л.В. Взаємодія вербальних і невербальних компонентів комунікації у сучасному англомовному дискурсі : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня д-ра філол. наук : спец. 10.02.04. / Л.В. Солощук. – Х., 2009. – 40 с.
9. Тарасова Е.В. Синергетические тенденции в современной лингвистике / Е.В. Тарасова // Вісник Харк. нац. у-ту ім. В.Н. Каразіна. – Х.: Константа, 2000. – №500. – С. 3 – 9.
10. Gamble T.K. Communication Works / T.K. Gamble, M. Gamble. – N.Y. : Random House, 1987. – 440 p.
11. Gorkin A. Cultural Relativity / A. Gorkin. – Режим доступу : /http://unipres.h1.ru/CulturalRelativity.htm.
12. Hall E.T. Beyond Culture / Edward Twitchel Hall– N.Y. : Anchor Books, 1981. – 298 p.
13. Hall E.T. Space speaks / Edward Twitchel Hall // Landmarks of American Language and Linguistics / ed. by Frank Smolinski. –Materials Development and Review Branch English Language Programs Devision United States Information Agency Washington D.C. 20547, 1993. – Vol. 1. – P. 147 – 157.
14. Pocheptsov G. Pragmoproxemics / G. Pocheptsov // Pragmatics and Beyond. – Kharkiv, 2001. – P. 60 – 61.

ДЖЕРЕЛА ІЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРІАЛУ

15. Brown B. All Our Tomorrows. – L. : Headline Book Publishing, 2002. – 472 p.
16. Cookson C. The Desert Crop. – L. : Corgi Books, 1998. – 509 p.
17. Cussler C. Inca Gold. – N.Y. : Pocket Books. – 1995. – 581 p.
18. Goldsmith O. The First Wives Club. – L. : Mandarin, 1993. – 470 p.
19. Housden F. The Man for Maggie. – Richmond : Silhouette Books, 2002. – 251 p.
20. Jensen M. Father Fever. – Richmond : Silhouette Books, 2001. – 250 p.
21. McGowan W. Catching Fire. – N.Y. : Pinnacle Books, 1997. – 351 p.
22. Michener J. A. Legacy. – N.Y. : Fawcett Crest, 1988. – 264 p.
23. Mitchell J. When the Boat Comes in 2: The Hungry Years. – L. : Corgi Books, 1976. – 256 p.
24. Richards E. Woman Without a Name. – Richmond : Silhouette Books, 1997. – 248 p.
25. Tyler A. The Accidental Tourist. – N.Y. : Berkley Books, 1986. – 343 p.
26. Wells R. Divine Secrets of the Ya-ya Sisterhood. – L. : Pan Books, 1998. – 358 p.

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРА

Олександр Поліщук – кандидат філологічних наук, старший викладач кафедри іноземних мов Черкаського національного університету імені Богдана Хмельницького.

Наукові інтереси: комунікативна лінгвістика, невербалістика, лінгвокультурологія

УДК 811.111

ВНУТРИТЕКСТОВЫЙ УРОВЕНЬ КОММУНИКАЦИИ

Ирина ПОЛОНСКАЯ (Киев, Украина)

У статті розглядаються різні види комунікативних актів, аналізується комунікативна неоднорідність висловлень тексту.

Ключові слова: адресант, адресат, комунікативно первинні висловлення, комунікативно вторинні висловлення, комунікативно третинні висловлення.

The article deals with different types of communicative acts, analyses communicative heterogeneity of textual utterances.

Key words: addresser, addressee, communicatively primary utterances, communicatively secondary utterances, communicatively tertiary utterances.

Анализ результатов, полученных в языкознании к настоящему времени, позволяет сделать вывод, что изучение языка как замкнутой самодостаточной системы не может быть исчерпывающим и должно быть расширено описанием механизма функционирования языка в процессе коммуникации.

Коммуникация в целом реализуется в конкретных коммуникативных актах. Коммуникативный акт в качестве основных компонентов включает сообщение и участников речевого общения. Элементарная коммуникативная цепочка «отправитель – сообщение – получатель» выступает в роли кванта коммуникации. При отсутствии любого из этих компонентов коммуникативный акт невозможен.

Текст – среднее звено неразрывного триединства «адресант – текст – адресат». Из психологии известно понятие гештальта, когда наблюдаемый объект воспринимается в целом – без учета тех или иных деталей. Текст не составляет исключения: в процессе коммуникации он образ-гештальт [4:12-13].

Цельность и неидеальность внешней формы текста порой сочетается со сложностью, дробностью, партитурированностью его внутренней коммуникативной формы за счет многочисленных включений в него квазикоммуникативных цепочек, например, высказываний персонажей. Целью данной статьи и является рассмотрение различных видов высказываний персонажного плана текста. Коммуникация характеризуется двумя уровнями: внутритекстовым, где совершается интеракция персонажей (микроммуникативный акт) и внетекстовым, где реализуется коммуникация между автором и читателем (макркоммуникативный акт). Эти два уровня находятся в отношении включения (второй включает первый). Истинных коммуникантов (автора

и читателя) и многочисленных промежуточных квазиадресантов и квазиадресатов (персонажей) можно назвать соответственно внешними и внутренними коммуникантами текста.

Оба вида адресанта и адресата связаны между собой. Персонаж (включая его речь) предстает в структуре текста и как некий факт, т.е. отражение объективной действительности, и как артефакт, поскольку предполагает присутствие создавшего его автора [1: 296,435]. Высказывания персонажа нацелены в сущности не непосредственно другому персонажу, а читателю. Однако при рассмотрении отношений между элементами коммуникативного акта внутренние и внешние коммуниканты могут быть представлены независимо друг от друга. Существует понятие коммуникативно-лингвистической (текстовой) нормы, которая определяется как наличие строго определенной дистанции между звеньями коммуникативной цепи: внешний адресант – внутренний адресант – внутренний адресат – внешний адресат. Коммуникативность этой дистантности проявляется в наличии отношений между позициями, или повествовательными инстанциями, их помещенностью, расположенностью в семантическом пространстве текста; лингвистичность – в способности эксплицитировать эти отношения посредством языковых (лингвистических) средств. Коммуникативно-текстовая норма предполагает четкую демаркированность планов автора и персонажа [3: 54-55].

В основе коммуникативно вторичных сообщений лежит процесс вторичной вербализации сообщений, уже однажды вербализованных в реальном или вымышленном коммуникативном акте [2: 236]. Волею автора инкорпорирующего текста в него встраивается высказывание, изначально входившее в самостоятельную коммуникативную цепочку со своими собственными коммуникантами, коммуникативной ситуацией и коммуникативным заданием.

Приведем примеры коммуникативно вторичных высказываний:

‘I believe in the Whole, the Good and the Beautiful.’

Hayward with his loose large limbs and the fine carriage of his head looked very handsome when he said this, and he said it with air.

‘Is that how you would describe your religion in a census paper?’ asked Weeks, in mild tones.

Нами выделены коммуникативно третичные высказывания, которые рассматриваются как результат третичной вербализации сообщений, уже дважды вербализованных в реальных или квазиреальных коммуникативных актах. Коммуникативно третичное высказывание, имеющее своего отправителя и получателя, входит в коммуникативно вторичное сообщение, у которого также есть адресант и адресат, и вместе с ним инкорпорируется в первичный текст, коммуникантами которого являются автор (точнее сказать, повествователь) и читатель.

Приведем примеры коммуникативно третичных высказываний:

‘The last thing she said,’ Gretchen was saying, was, **“You tell your father, wherever he is, that I forgave him.”** Then she went into a coma and never came out of it.’

‘Well, before the reception for the two Thumbs,’ said Nicolay, ‘Robert told his mother that he would not be joining them. When she asked him why not, he said, **“My notions of duty, perhaps, are somewhat different from yours.”**’

Исходное сообщение коммуникативно третичного высказывания может сперва быть представлено в тексте коммуникативно вторичным высказыванием, например:

“(...) Fate marked the place. But I was ambitious. And I was there. (...)”

Bender was sitting up, tense, alert. “What else did he say?”

“ ‘Fate chose the place. I was ambitious. I was-’ ”

В типических проявлениях коммуникативной первичности/вторичности целые тексты могут быть чисто первичными, смешанными (первично-вторичными) [2: 236]. С учетом выделенных нами коммуникативно третичных высказываний к смешанным текстам наряду с первично-вторичными следует также отнести первично-вторично-третичные.

Высказывания персонажного плана текста (коммуникативно вторичные, коммуникативно тоетичные высказывания) образуют самостоятельный слой.

К графическим маркерам коммуникативно вторичных и третичных высказываний относятся кавычки, чья функция сводится преимущественно к тому, чтобы зрительным сигналом сообщить об особом коммуникативном статусе соответствующего сообщения. Кавычки фокусируют внимание читателя на переходе от коммуникативно первичного сообщения к коммуникативно вторичному или от коммуникативно вторичного сообщения к коммуникативно третичному. Если коммуникативно вторичные сообщения маркируются в тексте одинарными кавычками, то коммуникативно третичные – двойными, и наоборот. Сравните:

‘(...) He half opened the door but didn’t invite me in. I said, “Good evening, Ryan.” He just nodded, but didn’t reply. There was a strong smell of whisky. Then I said, “I’ve come to collect the portrait but it isn’t in the shed, or if it is I haven’t found it.” Then he said, his speech rather slurred, “It’s to the left of the door, wrapped in cardboard and brown paper. A brown paper parcel, Sellotaped.” I said, “Not now.” He didn’t reply but came out to me leaving the door open. We went to the shed together.’

“(...) I once heard Momma tell Castalia, both of them laughing over it too, Momma said ‘No, darling, you’ve got things confused, I believe. You see, I am the aristocrat and you are actually to help me.’ And Cassie said, ‘You the boss and I the slave? That it?’ They giggled actually. (...)”

Одинарные кавычки для маркировки коммуникативно вторичных высказываний и двойные кавычки для маркировки коммуникативно третичных используются, как правило, в британском варианте английского языка. В американском варианте коммуникативно вторичные высказывания обычно маркируются двойными кавычками, а коммуникативно третичные – одинарными.

Кавычки на границе между коммуникативно первичным и коммуникативно вторичным сообщениями не только сигнализируют об изменении коммуникативного статуса высказывания, но с их помощью также осуществляется “переключение” текста с одного плана на другой.

Коммуникативно вторичные высказывания персонажей либо представляются в авторском обрамлении, именуемом авторским вводом (ремаркой), либо подаются с нулевым авторским вводом (безремарочно).

Авторский ввод указывает на то, что высказывание не производится, а воспроизводится, что оно извлечено из ситуации, в которой было произнесено впервые. Наиболее эффективным показателем воспроизведения является глагол ввода.

Авторский текст при коммуникативно вторичных высказываниях персонажей во многих случаях служит источником такой контекстуальной информации для адресата-читателя, которая передает ситуативную информацию.

Дополнительная смысловая нагрузка ввода состоит в описании невербальных средств коммуникации: фонационных (к ним относятся различные характеристики голоса), кинесических (мимика, жесты), такесических (прикосновение к собеседнику). Словом, во вводе воспроизводятся те физические состояния субъекта, которые необходимы для восполнения пробелов в вербальной коммуникации.

Итак, ввод может играть важную, иногда первостепенную роль в обеспечении адекватного понимания вводимого высказывания. Вводящие слова автора представляют собой как бы шифр, с помощью которого должно происходить декодирование информации, заложенной в высказываниях персонажей.

По местоположению вводящего компонента к воспроизводимому высказыванию выделяются препозитивный, постпозитивный и интерпозитивный вводы. Заметим, что в случае интерпозитивного ввода возникает явление синтагматической расчлененности речевой цепи. Характер отношения между интерпозитивной ремаркой и вводимым высказыванием близок к парентетическому включению, поскольку ремарка расчленяет, но не разрушает вводимое высказывание. Наряду с простым вводом (препозитивным, интерпозитивным, постпозитивным) существуют сложные вводы, представляющие собой комбинацию простых.

Как уже указывалось, коммуникативно вторичные высказывания могут и не сопровождаться авторским комментарием. Однако в авторском повествовании, в контексте, всегда содержатся элементы, имеющие связи с высказыванием персонажа (так называемые контекстуальные элементы ввода). С помощью этих элементов в авторском тексте также может осуществляться описание ситуации речевого общения, паралингвистических средств.

Соотношение *авторский ввод* : *нулевой авторский ввод* у разных авторов различное. В настоящее время наблюдается тенденция к резкому падению авторского комментирования. Безремарочная передача речи персонажей усиливает значимость произносимых персонажами высказываний. Наличие авторского ввода может эксплицировать содержание коммуникативно вторичных высказываний, его отсутствие увеличивает варианты интерпретации.

Роль ввода коммуникативно третичных высказываний выполняет не авторский текст, а коммуникативно вторичные сообщения. Такой ввод можно назвать персонажным. Его функции те же, что и авторских ремарок при коммуникативно вторичных высказываниях.

Авторский ввод (и том числе и нулевой) и коммуникативно вторичное высказывание, персонажный ввод и коммуникативно третичное высказывание представляют собой фиксацию в тексте коммуникативного акта, который имел место в действительности или создан воображением адресанта, воспроизводящего высказывание.

Коммуникативно третичное высказывание воспроизводится фактически дважды: первый раз – персонажем (адресантом коммуникативно вторичного высказывания), второй раз (в составе коммуникативно вторичного сообщения) – автором (адресантом коммуникативно первичного сообщения).

Подытоживая вышеизложенное, подчеркнем, что высказывания персонажного плана текста коммуникативно неоднородны: выделяются коммуникативно вторичные и коммуникативно третичные высказывания.

Перспективним представляється изучение возможного дальнейшего углубления персонажного плана текста, а также рассмотрение взаимодействия различных микрокоммуникативных актов внутритекстового уровня коммуникации.

БІБЛІОГРАФІЯ

1. Гончарова Е.А. Категории автор - персонаж и их лингвистическое выражение в структуре художественного текста (на материале немецкоязычной прозы): дис. ... докт. филол. наук: 10.02.04 / Е.А. Гончарова. – Л., 1989. – 514 с.
2. Колегаева И.М. Текст в системе научной и художественной коммуникации: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.04 / И.М. Колегаева. – Одесса, 1992. – 293 с.
3. Молчанова Г.Г. Семантика художественного текста / Г.Г. Молчанова. – Ташкент: ФАН, 1988. – 163 с.
4. Мурзин Л.Н. Текст как данность (статика текста) / Л.Н. Мурзин, А.С. Штерн // Текст и его восприятие. – Свердловск, 1991. – Гл. I. – С. 6-21.

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРА

Ірина Полонська – кандидат філологічних наук, доцент кафедри іноземних мов економічного факультету Київського національного університету імені Тараса Шевченка.

Наукові інтереси: прагматика, лінгвістика тексту.

УДК 811.111'38-42

УМОВИ УСПІШНОЇ РЕАЛІЗАЦІЇ ІРОНІЧНОГО МОВЛЕННЕВОГО АКТУ ПИТАННЯ

Геннадій ПРОКОФ'ЄВ (Умань, Україна)

У статті проводиться актомовленнєвий аналіз конкретних прикладів іронічних питальних висловлень у ситуації безпосереднього спілкування між комунікантами, пропонується схема умов успішності іронічного мовленнєвого акту питання.

Ключові слова: іронічний мовленнєвий акт, умови успішності, порушення умов успішності.

A speech act analysis of some examples of ironic interrogative utterances in the context of direct interpersonal communication is carried out, a scheme of felicity conditions of the ironic interrogative speech act is suggested.

Key words: ironic speech act, felicity conditions, violation (flouting) of felicity conditions.

На думку Т. Манна, проблема іронії є найбільш глибокою та привабливою з усіх проблем, що існують [4: 529]. Така висока оцінка значущості іронії може здатися недостатньо обґрунтованою, однак, на наше переконання, не є безпідставною: іронія, поєднуючи в собі ствердження та заперечення, яскраво відображає сутність руху взагалі, одночасно спричиняючи виникнення суперечності та звільняючись від неї.

Прагмалінгвістичний аналіз іронії дає можливість описати ті її аспекти, які знаходились поза увагою більш традиційних галузей лінгвістики, таких як лінгвостилістика, лінгвістика тексту, соціолінгвістика, психолінгвістика, експериментальна фонетика. Про реальність таких перспектив свідчить, зокрема, і зростання кількості робіт вітчизняних лінгвістів, які проводять дослідження в цій галузі [1; 2; 7].

Для адекватного актомовленнєвого опису дії іронії ключовим є поняття «щирості», яке позначає відповідність мовленнєвої дії тому психологічному стану, який і спонукає мовця її здійснити. Отже, щире ствердження має бути наслідком переконання, щире спонукання – віддзеркаленням бажання, щира обіцянка – результатом наміру, щире вираження почуття – свідченням наявності цього почуття. Дж. Р. Серль називає такі стани інтенціональними [8: 104]. Іронічне висловлення характеризує якраз відсутність у мовця відповідного наміру, бажання, переконання тощо.

Особливе місце серед іронічних мовленнєвих актів в аспекті наявності / відсутності необхідного для успішної реалізації мовленнєвої дії психологічного стану мовця займає акт питання. Специфічність іронічного питання полягає в ускладненні попередніх умов його успішної реалізації у зв'язку з порушенням автором іронічного питання умов успішності пов'язаних з ним мовленнєвих актів інших прагматичних типів.

У якості окремого типу мовленнєвих дій акт питання виділяється в низці робіт, що розглядають проблему класифікації мовленнєвих актів. При цьому акти питання називають квеситивами, рогативами, інтеррогативами чи власне актами питання, хоча деякі інші автори відмовляють актам питання у статусі прагматичного типу, відносячи їх до директивного типу [12].

Додатковий мотив для виокремлення типу «іронічне питання» привносить той факт, що частотність використання даного акту у мовленні, зокрема в розглянутих нами діалогах п'єс англійських та американських авторів, більш ніж у п'ять разів перевищує частотність інших іронічних актів спонукання в мові персонажів.